

Сочинения. Том V

ЕЛЕНА ШВАРЦ

Пушкинский фонд

ОДИН из лучших поэтов ленинградского андеграунда, Елена Шварц умерла в 2010 году. Четырехтомное не очень полное собрание ее стихов и прозы вышло еще при жизни автора с ее одобрения. Формально это пятый том.

Но скорее тут издательская уловка: не считая небольшого количества стихов, это книга дневников.

Тут встает вопрос: предназначала ли Шварц их для печати? В большей степени, чем обычные дневники, ее записи — литературные тексты, будто созданные для примерки на найденного в себе же читателя, зрителя собственной жизни. И в этом смысле — да, их можно печатать. Но стоило ли публиковать их так быстро, когда толком не собрано основное наследие Шварц, когда многие из героев, о которых написаны вещи крайне неприятные, еще живы, когда боль еще не остыла? Есть и другой вопрос: для кого собран этот том? Тут нет предисловия, комментариев, пояснений — литературные и театральные знакомые, друзья, родственники, домашние животные возникают и исчезают бесконечной чередой, учиться различать их — задача читателя. Ему придется догадываться, додумывать многие

обстоятельства жизни поэта. И тем не менее это поразительная книга.

Шварц вела дневники почти всю жизнь, но в 2002 году большая их часть сгорела в ее квартире. Сохранились записи последних восьми лет и подростковые дневники — тоже восемь лет: 1957–1964 (плюс еще пара небольших отрывков). Так получилось случайно. Но в этой глупой, несправедливой симметрии есть удивительная красота замысла.

Мы видим только закат и рассвет, угасание и пробуждение — именно в таком порядке (в книге по какой-то причине напечатаны сначала поздние, затем ранние дневники). Переживаем долгое, почти одинокое умирание поэта — и через несколько страниц обнаруживаем ее прекрасно-нелепым подростком. За кадром остаются расцвет, андеграундная слава, красота, любви, гениальные стихи. Некто особенный приведен тут к общечеловеческому знаменателю (метафора скорее в духе не очень любимого Шварц Бродского, постоянно возникающего тут на фоне).

Точнее, не совсем так. Мы видим, как автор дневников этому «общему» сопротивляется.

Как интеллигентная советская девочка, переживающая, что Ленин не дожид до полета Гагарина в космос, входит в подростковый кризис и выходит поэтом, духовным мыслителем — пока что очень наивным, трогательным в неуклюжести, неприменимости своего таланта. В эту же неуклюжесть Шварц попадает в последние годы жизни, когда сознание собственной значительности, того, что — получилось, не очень спасает от беспомощности, одиночества, репутации сумасшедшей старухи и ощущения наготы, которую всегда прикрывала красота.

Пытаясь понять что-то про эту книгу, постоянно переключаешься между этими двумя полюсами беспомощности. Может быть, в наслаждении, которое ты от нее получаешь, есть что-то не очень праведное — как всегда при упивании слабостью сильных. Но, кажется, дело в другом. Эту неисключительность, общность Шварц, выросшая в театральной среде, прожила с удивительным талантом, блеском тихой трагедии, поставленной для самой себя. Это может озадачивать, но не восхититься ей невозможно.

ГАЛЕРЕЯ VIP
5 АПРЕЛЯ 19:00
Гранд Отель ОКА
семинар

Татьяна Грамон

Андрей Добюпол

ВЕДУЩИЕ ПРОГРАММ
«КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС» И «ДАЧНЫЙ ОТВЕТ»

Мужской сезон 2014 в дизайне интерьера и ландшафта
ВПЕРВЫЕ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ!

KASSIR.RU
428-99-99

230-56-66

WWW.GALLERYVIP.RU